Уголовно-процессуальная медиация в России: пределы институционализации и доказательственные гарантии в сравнении с моделью Республики Казахстан

Герасимова Лариса Александровна
преподаватель, кафедра «Уголовное право, уголовный процесс и правоохранительная деятельность», Юридический институт, РУТ (МИИТ), gerasimova0707@yandex.ru

Актуальность. Российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство придает юридическое значение примирению с потерпевшим и заглаживанию причиненного преступлением вреда, однако самостоятельной уголовно-процессуальной процедуры медиации не предусматривает. Одновременно развитие судебной практики 2025–2026 гг. свидетельствует об усилении значения восстановительного поведения лица как при освобождении от уголовной ответственности, так и при назначении наказания. В Республике Казахстан медиация, напротив, непосредственно институционализирована в уголовном процессе, а медиатору предоставлен специальный уголовно-процессуальный статус.
Цель исследования состоит в определении пределов возможного использования казахстанского опыта при формировании российской модели уголовно-процессуальной медиации.
Методы. Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и функциональный методы исследования.
Результаты. Установлено, что различие российского и казахстанского регулирования состоит не только в наличии либо отсутствии процессуального статуса медиатора. Казахстанская модель включает взаимосвязанные гарантии допуска медиатора к процедуре, конфиденциального общения со сторонами, ограничения доказательственного использования сведений, полученных в ходе медиации, и специальное уголовно-правовое значение достигнутого примирения. Вместе с тем обязательная модель освобождения от уголовной ответственности, предусмотренная частью первой статьи 68 УК Республики Казахстан, не должна механически заимствоваться российским законодательством.
Научная новизна заключается в обосновании двухконтурной модели уголовно-процессуальной медиации, предполагающей организационное и информационное разграничение восстановительной процедуры и публичного производства по уголовному делу. Предлагается установление «доказательственного барьера» между ними, исключающего использование в доказывании виновности факта обращения к медиации, согласия либо отказа от нее, содержания переговоров, предложений о способах заглаживания вреда и неподписанных проектов соглашений. Обосновывается необходимость различать три возможных результата медиации: полное примирение, частичный восстановительный результат и недостижение соглашения, каждому из которых должно соответствовать самостоятельное процессуальное значение.
Выводы. Институционализация медиации в российском уголовном процессе возможна при сохранении публичной природы уголовного преследования и исключительной компетенции государственных органов по вопросам доказанности обвинения, квалификации преступления и принятия итогового процессуального решения.
Ключевые слова: уголовный процесс, медиация, медиатор, примирение с потерпевшим, восстановительное правосудие, заглаживание вреда, прекращение уголовного дела, доказательства, свидетельский иммунитет, конфиденциальность.

Проблема внедрения медиации в российское уголовное судопроизводство уже не может рассматриваться исключительно в плоскости вопроса о допустимости примирительных процедур. Российский уголовный процесс давно придает правовое значение примирению обвиняемого с потерпевшим, возмещению ущерба и иному заглаживанию причиненного преступлением вреда. Статьи 25 и 25.1 УПК РФ, статьи 76 и 76.2 УК РФ, положения пункта «к» части 1 статьи 61 УК РФ образуют нормативную систему, в рамках которой посткриминальное восстановительное поведение способно влиять как на продолжение уголовного преследования, так и на назначение наказания.

В соответствии со статьей 76 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности при условии примирения с потерпевшим и заглаживания причиненного ему вреда. Процессуальной формой реализации данной нормы выступает статья 25 УПК РФ, предоставляющая суду, следователю с согласия руководителя следственного органа и дознавателю с согласия прокурора право прекратить уголовное дело при наличии предусмотренных законом условий. Российская конструкция, таким образом, регулирует прежде всего результат примирения, но практически не регламентирует профессиональную процедуру его достижения.

В научной литературе последних лет проблема получила новый импульс. Медиация рассматривается как форма восстановительного правосудия [13; 19], исследуются перспективы ее нормативной институционализации [14; 16], формулируются предложения о наделении медиатора самостоятельным процессуальным статусом. Одновременно высказывается и противоположная позиция: введение медиации способно привести к неоправданной диспозитивизации публичного уголовного процесса и фактической подмене обязанности государства осуществлять уголовное преследование урегулированием интересов частных лиц [22].

Особое значение имеет опубликованный в 2025 г. и введенный в научный оборот в начале 2026 г. сравнительный анализ законодательства России и государств СНГ, в котором уже предложено закрепить процессуальный статус медиатора и его свидетельский иммунитет [14].

Однако современная исследовательская проблема находится глубже. Она заключается в определении границы между восстановительной коммуникацией и уголовно-процессуальным доказыванием, а также в установлении допустимого объема проникновения частной процедуры урегулирования конфликта в публичную сферу уголовного преследования.

Настоящее исследование основывается на гипотезе о том, что российскому уголовному процессу требуется не простое заимствование фигуры медиатора, а создание особой двухконтурной процессуальной конструкции, в которой медиация и производство по уголовному делу взаимодействуют, но не сливаются друг с другом.

Действующее российское законодательство содержит несколько правовых механизмов, учитывающих восстановительное поведение лица.

Наиболее очевидным является прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон. Статья 25 УПК РФ устанавливает его процессуальный порядок, тогда как материально-правовые условия определены статьей 76 УК РФ. Освобождение имеет факультативный характер: законодатель использует конструкции «может быть освобождено» и «вправе прекратить».

Это обстоятельство принципиально отличает российскую модель от конструкции, закрепленной в части первой статьи 68 УК Республики Казахстан.

Однако дискреционный характер полномочия российского суда не означает возможности произвольного отказа в прекращении уголовного дела. Показательно кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 февраля 2026 г. № 25-УД25-14-К4. Нижестоящие суды ссылались на характер и степень общественной опасности преступления и особенности

объекта посягательства. Верховный Суд признал такую аргументацию недостаточной, поскольку решение не содержало указания на конкретные обстоятельства, действительно препятствующие применению статьи 76 УК РФ. При установлении выполнения всех предусмотренных законом условий судебные решения были отменены, а уголовное дело прекращено.

Данная правовая позиция не превращает статью 25 УПК РФ в императивное основание прекращения уголовного дела. Вместе с тем она демонстрирует тенденцию к установлению правовых пределов судейского усмотрения: отказ в применении примирительного основания должен быть предметно и индивидуально мотивирован, а не основываться на абстрактной ссылке на публичную опасность преступления.

Другим актуальным обстоятельством стало изменение в декабре 2025 г. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». Новый пункт 30¹ относит к действиям, направленным на заглаживание вреда потерпевшему, оказание ему помощи в ходе предварительного расследования или судебного производства, например оплату лечения, а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных преступлением прав и законных интересов.

Тем самым восстановительное поведение лица в российской системе обладает правовым значением не только тогда, когда дело прекращается. Оно может учитываться и при назначении наказания.

Именно это обстоятельство позволяет поставить под сомнение распространенное представление о том, что уголовно-процессуальная медиация необходима исключительно как технология реализации статьи 25 УПК РФ. Если сводить ее назначение только к получению заявления потерпевшего о примирении, медиатор неизбежно превращается в технического посредника при оформлении нереабилитирующего прекращения уголовного дела.

Восстановительная процедура потенциально имеет самостоятельную ценность и при продолжении уголовного преследования.

Вместе с тем Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» уголовное судопроизводство непосредственно в сферу своего регулирования не включает. В статье 1 закона перечислены гражданские, административные и иные публичные, предпринимательские, трудовые и семейные правоотношения; применение закона к иным отношениям возможно лишь в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Не знает фигуры медиатора и УПК РФ. Он не отнесен к участникам уголовного судопроизводства, отсутствуют нормы о его допуске, полномочиях, конфиденциальном общении со сторонами, порядке взаимодействия с органом расследования и процессуальном значении медиативного соглашения.

Еще более существенна доказательственная проблема. Часть 3 статьи 56 УПК РФ предусматривает специальный свидетельский иммунитет для ряда субъектов, однако медиатор к ним не относится. Для сравнения: российский арбитражный процесс прямо исключает допрос посредников, включая медиаторов, об обстоятельствах, ставших им известными в связи с участием в примирительной процедуре.

Следовательно, действующее российское право характеризуется нормативной асимметрией: последствия восстановительного поведения урегулированы, а процесс его профессионального формирования уголовно-процессуальной формы не имеет.

Особый интерес представляет опыт Республики Казахстан вследствие близости правовых систем и принципиально иного законодательного решения вопроса об уголовной медиации.

При этом требуется терминологическая точность. Пункт 24 статьи 7 УПК Республики Казахстан относит медиатора к категории «иных лиц, участвующих в уголовном процессе» наряду с секретарем судебного заседания, переводчиком, свидетелем, понятым, экспертом и специалистом. В то же время пункт 25 этой статьи, содержащий специальное легальное определение «участников уголовного процесса», медиатора не называет.

Следовательно, применительно к казахстанскому законодательству юридически более корректно говорить не о медиаторе как об «участнике уголовного процесса» в узком терминологическом смысле статьи 7 УПК Республики Казахстан, а о самостоятельном ином лице, участвующем в уголовном процессе и обладающем специальным процессуальным статусом.

Данный статус закреплен в статье 85 УПК Республики Казахстан.

Медиатор определяется как независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами для проведения медиации. Ему предоставлено право знакомиться с информацией, предоставляемой органом, ведущим уголовный процесс, сторонам медиации, а также с данными об участниках процесса, являющихся сторонами медиации. Медиатор вправе встречаться с ними наедине и конфиденциально и содействовать заключению соглашения о достижении примирения.

Важным является ограниченный характер информационного доступа: медиатор не приобретает самостоятельного права исследования уголовного дела и не превращается в дополнительного субъекта доказывания. Его информационная компетенция производна от объема информации, доступной сторонам медиации.

С согласия сторон процедура может проводиться начиная с момента регистрации заявления или сообщения об уголовном правонарушении и на последующих стадиях уголовного процесса до вступления приговора в законную силу.

Таким образом, казахстанский медиатор включен в процесс функционально, но не приобретает полномочий стороны обвинения, стороны защиты или государственного органа. Он не устанавливает виновность, не определяет квалификацию, не осуществляет уголовное преследование и не принимает решение о прекращении дела.

Такое нормативное решение представляется концептуально значимым: процессуализация медиации не означает процессуализации медиатором разрешения уголовно-правового конфликта в целом.

Наиболее ценный для российского уголовного процесса элемент казахстанской модели связан не столько с наделением медиатора статусом, сколько с созданием правовых гарантий отделения медиации от доказывания.

Закон Республики Казахстан «О медиации» устанавливает, что факт участия в медиации, проводимой в ходе уголовного судопроизводства, не может служить доказательством признания вины лицом, являющимся стороной процедуры.

Законодательство также обеспечивает конфиденциальность сведений, полученных медиатором в ходе осуществления профессиональной деятельности, и ограничивает возможность его допроса об обстоятельствах медиации.

Эти правила затрагивают фундаментальную проблему, которая практически не решается простым предоставлением медиатору свидетельского иммунитета.

Представим ситуацию, когда подозреваемый, не признавая юридическую квалификацию содеянного либо отдельные обстоятельства предъявленного ему обвинения, готов обсудить с потерпевшим возникший вред и способы его устранения. Содержательная медиация требует возможности говорить о произошедшем, выражать сожаление, предлагать компенсацию, объяснять свое поведение и обсуждать действия, которые способны восстановить положение потерпевшего.

Если подобные высказывания потенциально могут впоследствии использоваться стороной обвинения как сведения о признании фактических обстоятельств преступления, рациональное процессуальное поведение обвиняемого будет состоять в отказе от открытой коммуникации.

Поэтому свидетельский иммунитет медиатора сам по себе недостаточен.

Информация может проникнуть в уголовное дело не только через его допрос, но и:

- через показания другой стороны процедуры;
- путем представления переписки;
- посредством истребования проектов соглашения;
- через рабочие записи медиатора;
- посредством вопросов о содержании переговоров;
- путем истолкования самого обращения к медиации как косвенного подтверждения принятия обвиняемым ответственности.

Именно поэтому необходим не только персональный иммунитет медиатора, но и предметный доказательственный иммунитет самой процедуры.

Вторая особенность казахстанского законодательства заключается в более тесной связи медиации с уголовно-правовым институтом примирения.

Согласно части первой статьи 68 УК Республики Казахстан лицо, совершившее уголовный проступок или преступление небольшой либо средней тяжести, не связанное с причинением смерти, подлежит освобождению от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим или заявителем, в том числе в порядке медиации, и загладило причиненный вред.

Таким образом, при наличии установленных законом условий речь идет об императивном основании освобождения.

Верховный Суд Республики Казахстан дополнительно разъясняет обязанность органов уголовного процесса информировать лиц о праве на примирение и медиацию, необходимость проверки добровольности волеизъявления потерпевшего и фактического заглаживания вреда. При поступлении ходатайства стороны о привлечении медиатора орган досудебного расследования не вправе отказать в его удовлетворении.

Одновременно законодательство Казахстана устанавливает значительный перечень исключений из примирительного основания, распространяющийся, в частности, на отдельные преступления против несовершеннолетних, коррупционные, террористические и экстремистские преступления, деяния, совершенные в составе преступной группы, а также ряд случаев повторного применения примирения.

Такое сочетание императивности основной нормы и развернутой системы исключений представляет собой важную закономерность. Чем сильнее юридический эффект примирения, тем более тщательно законодатель вынужден определять границы допустимости самой процедуры.

Статья 76 УК РФ построена иначе. Она сохраняет факультативность освобождения даже при выполнении предусмотренных законом условий. Эта модель соответствует более выраженному публичному контролю за прекращением уголовного преследования.

Представляется, что при возможном введении уголовно-процессуальной медиации в России изменение данного подхода необязательно.

Иными словами, из казахстанской системы целесообразно заимствовать право на процедуру и ее гарантии, но не обязательно – автоматизм уголовно-правового результата.

Такое асимметричное заимствование позволило бы сохранить публичные начала российского уголовного процесса: медиатор обеспечивает возможность восстановительной коммуникации, однако государственный орган продолжает самостоятельно определять наличие предусмотренных законом оснований для прекращения дела.

Нами предлагается двухконтурная модель уголовно-процессуальной медиации, в основе которой находится положение о существовании в связи с преступлением как минимум двух взаимосвязанных, но не совпадающих конфликтов.

Первый – публично-правовой конфликт между государством и лицом, предположительно нарушившим уголовно-правовой запрет.

Его предметом являются событие преступления, виновность, уголовно-правовая квалификация, основания уголовной ответственности и пределы государственного принуждения. Данный конфликт не находится в распоряжении потерпевшего и не может быть передан медиатору.

Второй – восстановительный конфликт, возникающий между лицом, которому причинен вред, и предполагаемым причинителем этого вреда.

Его содержание образуют последствия совершенного деяния, материальные и нематериальные потребности потерпевшего, способы восстановления нарушенных интересов, извинение, возвращение имущества, компенсация, содействие лечению и иные формы устранения последствий.

Соответственно должны существовать два процессуальных контура.

Публичный контур, в который входят дознаватель, следователь, прокурор и суд. Здесь осуществляется доказывание, принимаются решения о квалификации и применении уголовного закона.

Восстановительный контур, который образуют потерпевший, подозреваемый, обвиняемый или подсудимый, их адвокаты в предусмотренных пределах и независимый медиатор.

Связь между двумя контурами необходима, но она должна быть ограниченной и контролируемой.

Из уголовного дела в восстановительный контур могут передаваться сведения, необходимые для осознанного участия в процедуре: сущность подозрения или обвинения, данные о причиненном вреде и та информация, с которой соответствующая сторона уже вправе знакомиться.

В обратном направлении должна поступать только согласованная сторонами информация о результате, но не о содержании переговоров.

Таким результатом могут быть сведения о достигнутом примирении, реально произведенном возмещении, совершенных восстановительных действиях и позиции потерпевшего.

Именно такой информационный режим способен обеспечить совместимость медиации с публичной природой уголовного судопроизводства.

Предлагаемая конструкция требует установления в УПК РФ самостоятельного правила, согласно которому не могут использоваться в качестве доказательств виновности подозреваемого или обвиняемого:

1. предложение о проведении медиации;
2. согласие участвовать в медиации;
3. отказ от участия или прекращение участия;
4. объяснения, заявления и признания фактических обстоятельств, сделанные исключительно в ходе конфиденциальных переговоров;
5. предложение о выплате компенсации или совершении иных восстановительных действий;
6. принесение извинений;
7. проекты условий соглашения, от которых сторона впоследствии отказалась;
8. рабочие записи и материалы медиатора;
9. факт недостижения соглашения.

Названная гарантия существенно отличается от свидетельского иммунитета.

Свидетельский иммунитет отвечает на вопрос о том, можно ли допросить медиатора?

Доказательственный иммунитет процедуры отвечает на более широкий вопрос: может ли вообще содержание медиационной коммуникации использоваться государством для установления виновности?

Представляется, что российской модели необходимы оба механизма.

В части 3 статьи 56 УПК РФ следует прямо закрепить запрет допроса медиатора об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с проведением уголовно-процессуальной медиации.

Одновременно правила о недопустимости доказательств должны исключать обход этого запрета посредством получения тех же сведений из производных источников, образовавшихся исключительно вследствие медиации.

Исключения из конфиденциальности допустимы лишь в случаях, непосредственно предусмотренных федеральным законом, например при получении сведений о реальной непосредственной угрозе жизни лица или подготовке нового тяжкого преступления. Их перечень должен носить исчерпывающий характер.

Медиатора целесообразно включить в главу 8 УПК РФ «Иные участники уголовного судопроизводства».

Однако само такое включение не является достаточным.

Процессуальный статус должен включать как минимум следующие права:

– получать информацию о сущности подозрения или обвинения и иных обстоятельствах, необходимых для проведения процедуры, в пределах сведений, доступных соответствующей стороне;

– проводить совместные и раздельные конфиденциальные встречи;

– беспрепятственно общаться с участвующими в медиации лицами в пределах установленного законом режима;

– встречаться с содержащимся под стражей подозреваемым или обвиняемым без присутствия должностных лиц, с соблюдением требований безопасности;

– получать от сторон сведения и документы, добровольно передаваемые для целей процедуры;

– оформлять итоговый документ о результатах медиации.

Одновременно медиатор не должен иметь права:

– собирать доказательства;

– давать юридическую оценку виновности;

– осуществлять функцию защиты или обвинения;
– склонять обвиняемого к признанию вины;
– обещать прекращение уголовного дела;
– принуждать потерпевшего к принятию компенсации;
– раскрывать содержание конфиденциальных переговоров.

Представляется целесообразным воспринять и казахстанский подход, согласно которому должностное лицо уголовного процесса вправе разъяснить сторонам возможность медиации, однако само не должно выступать субъектом примирительных переговоров.

Следователь не может одновременно сохранять процессуальную функцию расследования и нейтрально посредничать между обвиняемым и потерпевшим.

Существенным недостатком подхода, сводящего уголовную медиацию исключительно к статье 25 УПК РФ, является **сведение ее возможных результатов к двум вариантам: либо примирению сторон, либо недостижению примирения**. Такое понимание неоправданно обедняет восстановительный потенциал процедуры.

Предлагается различать три возможных результата процедуры медиации.

Первый результат – полное примирение. Стороны достигают соглашения, вред фактически заглажен, потерпевший свободно выражает волю на прекращение уголовного дела.

При наличии всех требований статьи 76 УК РФ данный результат образует основание для рассмотрения вопроса о прекращении дела по статье 25 УПК РФ.

Медиативное соглашение при этом не прекращает уголовное дело автоматически. Оно выступает источником сведений о юридически значимых обстоятельствах, подлежащих самостоятельной проверке компетентным органом.

Второй результат – частичный восстановительный эффект. Например, обвиняемый возместил часть ущерба, оплатил лечение, возвратил имущество, принес извинения или совершил иные действия, однако потерпевший не считает конфликт исчерпанным либо формальные условия статьи 76 УК РФ отсутствуют.

Называть такую медиацию неудачной неправильно.

Совершенные восстановительные действия могут иметь значение:
– как обстоятельство, смягчающее наказание;
– при определении вида и размера наказания;
– при разрешении гражданского иска;
– при рассмотрении вопроса о судебном штрафе при наличии самостоятельных условий статей 76.2 УК РФ и 25.1 УПК РФ;
– в производстве по делам несовершеннолетних.

Обновленные в декабре 2025 г. разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о заглаживании вреда дополнительно подтверждают возможность придания таким действиям самостоятельного правового значения.

Третий результат – отсутствие соглашения, когда стороны не достигли согласия либо одна из них прекратила участие. Такой результат должен быть процессуально нейтрален.

Отказ от медиации не может интерпретироваться как отсутствие раскаяния, отрицательная характеристика личности или нежелание возместить ущерб. Недостижение соглашения не должно служить косвенным аргументом в пользу виновности или более строгого наказания.

Пункт 30² постановления Пленума Верховного Суда РФ № 58 в редакции от 23 декабря 2025 г., согласно которому непризнание вины и отсутствие раскаяния не являются отягчающими наказание обстоятельствами, дополнительно свидетельствует о недопустимости негативного процессуального вывода из отказа лица участвовать в восстановительной процедуре.

Следствием предлагаемой конструкции является необходимость отказаться от представления о медиации исключительно как об альтернативе уголовному преследованию. Такое понимание чрезмерно узко. Даже когда характер преступления исключает прекращение уголовного дела в связи с примирением, восстановительная коммуникация в принципе способна решать самостоятельные задачи.

Разумеется, расширение сферы применения медиации не означает расширения сферы освобождения от уголовной ответственности. Здесь вновь проявляется различие двух контуров: процедура может быть шире правового основания прекращения дела.

Именно эта идея позволяет устранить один из наиболее серьезных аргументов против уголовной медиации – предположение, что ее внедрение неизбежно означает приватизацию уголовного преследования.

Но не менее важна обратная проблема – опасность формального понимания добровольности.

Согласие потерпевшего может быть обусловлено экономической, семейной, служебной или иной зависимостью от обвиняемого. Особенно высоки соответствующие риски при систематическом насилии, преступлениях против половой неприкосновенности, преступлениях в отношении детей и иных уязвимых лиц.

Опыт Республики Казахстан показывает характерную тенденцию: институционализация примирения сопровождается законодательным расширением круга ситуаций, в которых освобождение по данному основанию ограничивается или исключается.

Российская модель также должна предусматривать не только позитивные условия проведения процедуры, но и процессуальные фильтры безопасности.

До направления дела на медиацию необходимо оценивать:
– реальную добровольность участия;
– наличие отношений зависимости;
– риски повторного насилия;
– способность потерпевшего свободно выражать свою волю;
– наличие существенного дисбаланса сил между сторонами.

В отдельных категориях дел, в первую очередь по делам, связанным с нарушением половой неприкосновенности, медиация должна либо исключаться, либо проводиться только с дополнительными гарантиями безопасности.

Следовательно, защита потерпевшего в уголовно-процессуальной медиации состоит не в достижении примирения любой ценой, а прежде всего в обеспечении свободного права как согласиться на переговоры, так и отказаться от них.

Резюмируя вышеизложенное, проведенное исследование позволяет сформулировать вывод, что перспективное направление совершенствования российского уголовного процесса заключается не в создании дополнительного механизма «договорного прекращения» уголовных дел, а в институционализации защищенной восстановительной коммуникации, совместимой с публичной природой уголовного судопроизводства.

Именно при таком подходе медиация способна дополнить традиционное уголовное судопроизводство, не подменяя его.

Литература

1. **Уголовный кодекс Российской Федерации** : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : ред. от 26 июля 2026 г. — Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 06.05.2026).

2. **Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации** : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : ред. от 26 июля 2026 г. — Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 06.05.2026).

3. **Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)** : Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ. — Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 06.05.2026).

4. **О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности** : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19. — Текст : электронный // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. — URL: https://vsrf.ru/files/14250/ (дата обращения: 06.05.2026).

5. **О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания** : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 : с изм., внесенными постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 56, от 18 декабря 2018 г. № 43, от 23 декабря 2025 г. № 40. — Текст : электронный // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. — URL: https://vsrf.ru/documents/own/8470/ (дата обращения: 06.05.2026).

6. **О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»** : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2025 г. № 40. — Текст : электронный // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. — URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/35291/ (дата обращения: 06.05.2026).

7. **Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 февраля 2026 г. по делу № 25-УД25-14-К4**. — Текст : электронный // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. — URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2520944 (дата обращения: 06.05.2026).

8. **Уголовный кодекс Республики Казахстан** : Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК. — Текст : электронный // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226 (дата обращения: 06.05.2026).

9. **Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан** : Кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК. — Текст : электронный // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231 (дата обращения: 06.05.2026).

10. **О медиации** : Закон Республики Казахстан от 28 января 2011 г. № 401-IV. — Текст : электронный // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000401 (дата обращения: 06.05.2026).

11. **О судебной практике по применению статьи 68 Уголовного кодекса Республики Казахстан** : нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 21 июня 2001 г. № 4 : с изм. и доп. по состоянию на 27 ноября 2025 г. — Текст : электронный // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P01000004S_ (дата обращения: 06.05.2026).

12. **Арутюнян, А. А.** Медиация в уголовном процессе / А. А. Арутюнян. — Москва : Инфотропик Медиа, 2013. — 200 с. — ISBN 978-5-9998-0162-3. — URL: https://infotropic.ru/mediatsiya-v-ugolovnom-protsesse/ (дата обращения: 06.05.2026). — Текст : непосредственный.

13. **Галенников, Л. С.** Медиация как форма восстановительного правосудия / Л. С. Галенников, Ю. В. Деришев. — Текст : электронный // Сибирское юридическое обозрение. — 2024. — Т. 21, № 3. — С. 405–419. — DOI 10.19073/2658-7602-2024-21-3-405-419. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-kak-forma-vosstanovitelnogo-pravosudiya (дата обращения: 06.05.2026).

14. **Головачук, О. С.** Перспективы внедрения медиации в российский уголовный процесс на основе комплексного анализа уголовно-процессуального законодательства России и стран СНГ / О. С. Головачук, В. С. Раменская. — Текст : электронный // Правовое государство: теория и практика. — 2025. — Т. 21, № 4 (82). — С. 93–101. — DOI 10.33184/pravgos-2025.4.10. — URL: https://pravgos.ru/index.php/journal/article/view/1372 (дата обращения: 06.05.2026).

15. **Калинина, Е. В.** Научные подходы к вопросу о возможности применения медиации в уголовном судопроизводстве России / Е. В. Калинина. — Текст : электронный // Закон и право. — 2025. — № 7. — С. 160–164. — DOI 10.24412/2073-3313-2025-7-160-164. — URL: https://niion.org/wp-content/uploads/magazines/Zakon_and_pravo/07-25.pdf (дата обращения: 06.05.2026).

16. **Карнозова, Л. М.** Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление) : монография / Л. М. Карнозова. — Москва : Проспект, 2024. — 264 с. — ISBN 978-5-392-40101-7. — URL: https://prospekt.org/files/ugolovno-processualnoe_pravo.pdf (дата обращения: 06.05.2026). — Текст : непосредственный.

17. **Карнозова, Л. М.** Дискурсы примирения и проблемы институционализации примирительных процедур по уголовным делам / Л. М. Карнозова. — Текст : электронный // Психология и право. — 2024. — Т. 14, № 2. — С. 239–253. — DOI 10.17759/psylaw.2024140217. — URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2024_n2/Karnozova (дата обращения: 06.05.2026).

18. **Кузнецова, Н. И.** Процедура медиации как способ разрешения уголовно-экологического конфликта : монография / Н. И. Кузнецова. — Москва : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, 2025. — 104 с. — URL: https://academy-skrf.ru/about_the_university/news/detail.php?ID=3170 (дата обращения: 06.05.2026). — Текст : непосредственный.

19. **Макарова, О. В.** Медиация в уголовном процессе: восстановительное правосудие как новая парадигма разрешения конфликтов / О. В. Макарова. — Текст : электронный // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2025. — № 3 (107). — С. 70–78. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-v-ugolovnom-protsesse-vosstanovitelnoe-pravosudie-kak-novaya-paradigma-razresheniya-konfliktov (дата обращения: 06.05.2026).

20. **Молдобаев, М. Э.** Особенности осуществления примирения (медиации) в уголовном судопроизводстве отдельных зарубежных государств / М. Э. Молдобаев. — Текст : электронный // Российский следователь. — 2024. — № 5. — С. 57–61. — DOI 10.18572/1812-3783-2024-5-57-61. — URL: https://lawinfo.ru/articles/6546/osobennosti-osushhestvleniya-primireniya-mediacii-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-otdelnyx-zarubeznyx-gosudarstv (дата обращения: 06.05.2026).

21. **Победкин, А. В.** Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства : монография / А. В. Победкин. — Москва : Юрлитинформ, 2024. — 328 с. — URL: https://elibrary.ru/KHOPTO (дата обращения: 06.05.2026). — Текст : непосредственный.

22. **Химичева, О. В.** Нужна ли медиация в уголовном судопроизводстве? / О. В. Химичева, И. Б. Тутынин. — Текст : электронный // Российский следователь. — 2026. — № 4. — С. 16–20. — DOI 10.18572/1812-3783-2026-4-16-20. — URL: https://lawinfo.ru/articles/13503/nuzna-li-mediaciya-v-ugolovnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 06.05.2026).

Criminal procedure mediation in Russia: limits of institutionalization and evidentiary safeguards in comparison with the model of the Republic of Kazakhstan

Gerasimova L.A.
RUT (MIIT)

Relevance. Russian criminal and criminal procedure law recognizes reconciliation with the victim and reparation for harm as legally relevant circumstances but does not establish an independent criminal procedure mediation mechanism. At the same time, Russian judicial practice of 2025–2026 demonstrates the increasing importance of restorative conduct both for exemption from criminal liability and for sentencing. In the Republic of Kazakhstan, mediation has been expressly incorporated into criminal proceedings and the mediator has a special procedural status.

Purpose. The study aims to determine the limits within which the Kazakh model may be used in developing a Russian model of criminal procedure mediation.

Methods. The research employs formal legal, comparative legal, systemic and functional methods.

Results. The distinction between Russian and Kazakh regulation is not limited to the presence or absence of a mediator's procedural status. The Kazakh model combines the mediator's participation in criminal proceedings with guarantees of confidential communication, restrictions on the evidentiary use of information obtained during mediation, and specific criminal-law consequences of reconciliation. At the same time, the mandatory exemption from criminal liability provided for by Article 68(1) of the Criminal Code of Kazakhstan should not be mechanically transplanted into Russian law.

Scientific novelty. A two-track model of criminal procedure mediation is proposed, based on the organizational and informational separation of restorative proceedings from public criminal prosecution. An “evidentiary firewall” is suggested to prevent the use of the request for mediation, consent or refusal to participate, statements made during negotiations, settlement proposals and unsigned draft agreements as evidence of guilt. Three possible outcomes of mediation are distinguished: full reconciliation, a partial restorative outcome and failure to reach an agreement, each requiring a different procedural effect.

Conclusion. Mediation may be institutionalized in Russian criminal proceedings only while preserving the public nature of criminal prosecution and the exclusive competence of public authorities to determine the sufficiency of evidence, legal qualification and the final procedural decision.

Keywords: criminal proceedings, mediation, mediator, reconciliation with the victim, restorative justice, reparation for harm, termination of criminal proceedings, evidence, testimonial immunity, confidentiality.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of 13 June 1996, as amended on 26 July 2026. ConsultantPlus Legal Reference System. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ of 18 December 2001, as amended on 26 July 2026. ConsultantPlus Legal Reference

System. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
3. On Alternative Dispute Resolution Procedure with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure): Federal Law No. 193-FZ of 27 July 2010. ConsultantPlus Legal Reference System. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
4. On the Application by Courts of Legislation Governing the Grounds and Procedure for Exemption from Criminal Liability: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 of 27 June 2013. Supreme Court of the Russian Federation: official website. Available at: https://vsrf.ru/files/14250/ (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
5. On the Practice of Sentencing by Courts of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58 of 22 December 2015, as amended by Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 56 of 29 November 2016, No. 43 of 18 December 2018 and No. 40 of 23 December 2025. Supreme Court of the Russian Federation: official website. Available at: https://vsrf.ru/documents/own/8470/ (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
6. On Amendments to Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58 of 22 December 2015 "On the Practice of Sentencing by Courts of the Russian Federation": Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 40 of 23 December 2025. Supreme Court of the Russian Federation: official website. Available at: https://www.vsrf.ru/documents/own/35291/ (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
7. Cassation Ruling of the Judicial Panel for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 12 February 2026, Case No. 25-UD25-14-K4. Supreme Court of the Russian Federation: official website. Available at: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2520944 (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
8. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan: Code of the Republic of Kazakhstan No. 226-V ZRK of 3 July 2014. Adilet Legal Information System of Regulatory Legal Acts of the Republic of Kazakhstan. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226 (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
9. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan: Code of the Republic of Kazakhstan No. 231-V ZRK of 4 July 2014. Adilet Legal Information System of Regulatory Legal Acts of the Republic of Kazakhstan. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231 (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
10. On Mediation: Law of the Republic of Kazakhstan No. 401-IV of 28 January 2011. Adilet Legal Information System of Regulatory Legal Acts of the Republic of Kazakhstan. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000401 (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
11. On Judicial Practice in the Application of Article 68 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan: Regulatory Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan No. 4 of 21 June 2001, as amended and supplemented as of 27 November 2025. Adilet Legal Information System of Regulatory Legal Acts of the Republic of Kazakhstan. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P01000004S_ (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
12. Arutyunyan, A. A. *Mediation in Criminal Proceedings*. Moscow: Infotropik Media Publ., 2013. 200 p. ISBN 978-5-9998-0162-3. Available at: https://istina.cemi-ras.ru/publications/book/3664758/ (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
13. Galennikov, L. S., Derishev, Yu. V. Mediation as a Form of Restorative Justice. *Siberian Law Review*. 2024, vol. 21, no. 3, pp. 405–419. DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-3-405-419. Available at: https://journals.rcsi.science/2658-7602/article/view/348669 (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
14. Golovachuk, O. S., Ramenskaya, V. S. Prospects for the Implementation of Mediation in the Russian Criminal Procedure Based on a Comprehensive Analysis of the Criminal Procedure Legislation of Russia and Some CIS Countries. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*. 2025, vol. 21, no. 4 (82), pp. 93–101. DOI: 10.33184/pravgos-2025.4.10. Available at: https://pravgos.ru/index.php/journal/article/view/1372 (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
15. Kalinina, E. V. Scientific Approaches to the Possibility of Applying Mediation in Russian Criminal Proceedings. *Zakon i pravo = Law and Legislation*. 2025, no. 7, pp. 160–164. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-7-160-164. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-podhody-k-voprosu-o-vozmozhnosti-primeneniya-mediatsii-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
16. Karnozova, L. M. *Introduction to Restorative Justice (Mediation in Response to Crime): Monograph*. Moscow: Prospekt Publ., 2024. 264 p. ISBN 978-5-392-40101-7. Available at: https://prospekt.org/files/ugolovno-processualnoe_pravo.pdf (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
17. Karnozova, L. M. Reconciliation Discourses and Problems of Institutionalization of Reconciliation Procedures in Criminal Cases. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*. 2024, vol. 14, no. 2, pp. 239–253. DOI: 10.17759/psylaw.2024140217. Available at: https://psyjournals.ru/en/journals/psylaw/archive/2024_n2/Karnozova (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
18. Khimicheva, O. V., Tutynin, I. B. Is Mediation Needed in Criminal Proceedings? *Rossiyskiy sledovatel' = Russian Investigator*. 2026, no. 4, pp. 16–20. DOI: 10.18572/1812-3783-2026-4-16-20. Available at: https://lawinfo.ru/articles/13503/nuzna-li-mediaciya-v-ugolovnom-sudoproizvodstve (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
19. Kuznetsova, N. I. *Mediation Procedure as a Method for Resolving a Criminal-Environmental Conflict: Monograph*. Moscow: Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2025. 104 p. Available at: https://elib.institutemvd.by/jspui/bitstream/MVD_NAM/8950/1/kuznecova.pdf (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
20. Makarova, O. V. Mediation in Criminal Proceedings: Restorative Justice as a New Paradigm for Conflict Resolution. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2025, no. 3 (107), pp. 70–78. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-v-ugolovnom-protsesse-vosstanovitelnoe-pravosudie-kak-novaya-paradigma-razresheniya-konfliktov (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
21. Moldobaev, M. E. Features of Reconciliation (Mediation) in Criminal Proceedings of Certain Foreign States. *Rossiyskiy sledovatel' = Russian Investigator*. 2024, no. 5, pp. 57–61. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-5-57-61. Available at: https://lawinfo.ru/articles/6546/osobennosti-osushhestvleniya-primireniya-mediacii-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-otdelnyx-zarubeznyx-gosudarstv (accessed 11 August 2026). (In Russ.).
22. Pobedkin, A. V. *Basic Provisions of the Russian Criminal Procedure Code as a System of Guarantees of the Public Nature of Criminal Proceedings: Monograph*. Moscow: Yurlitinform Publ., 2024. 328 p. ISBN 978-5-4396-2602-1. Available at: https://urlit-id.ru/Katalog/3209-.html (accessed 11 August 2026). (In Russ.).